

Максим Анисимович Кронгауз

*Российский государственный
гуманитарный университет*

Изменения в русском языке и новые технологии

Ключевые слова: русский язык, языковые изменения, лексика, речевой этикет
Key words: Russian language, linguistic changes, lexis, speech etiquette

Summary

This article deals with a research in changes in the Russian language caused by external factors. As external factors we consider technical progress affecting phone, one of the most important means of communication. Transformation of a telephone apparatus has influenced lexis describing the corresponding fragment of the world, and its compatibility. But the impact turned out to be wider and has also affected the speech etiquette. The objective was to uniformly interpret various linguistic changes in this area, to identify their causes, to find correlation with changes in culture and civilization.

Настоящая статья посвящена исследованию изменений в русском языке под влиянием внешних причин. В качестве таких внешних причин рассматривается изменение окружающего мира в сфере технологий, а точнее говоря, технический прогресс, затрагивающий одно из важнейших средств связи – телефон. Превращения телефонного аппарата, – от громоздкого механизма, висящего на стене, до небольшого устройства, умещающегося в ладони, – естественно, оказали влияние на лексику, описывающую соответствующий фрагмент мира, и ее сочетаемость. Но влияние оказалось шире и затронуло также речевой этикет. Специальный исследовательский интерес состоял в том, чтобы попытаться единым образом проинтерпретировать различные языковые изменения в этой области, установив их причины, связав их с изменениями культуры и цивилизации.

Мобильный телефон и современная лексикография

В последние годы лексика, связанная с мобильным телефоном, вызывает все больший интерес у русистов. Можно назвать по крайней мере два больших исследования, осуществленных совсем недавно.

Результаты одного из них выложены в Интернете на сайте www.lingvo.ru в качестве приложения к проекту «Языки городов» (www.lingvo.ru/goroda/articles.asp¹). В.И. Беликов проанализировал различные наименования мобильного телефона и их распределение в отечественной и зарубежной русскоязычной прессе, опираясь на материалы базы «Интегрум». Это также дало возможность получить представление о региональном распределении лексических вариантов.

Другое исследование было проведено в 2010 году Институтом русского языка им. В.В. Виноградова РАН вместе с рекомендательным сервисом Имхонет (www.imhonet.ru) и другими партнерами (НЛЮ, Билайн). Информацию об этом проекте можно получить на сайте Имхонет в сообществе «Мобильное слово» (<http://blog.imhonet.ru/community/1567/>). Для подведения итогов проекта 30 июня 2010 года организаторы провели круглый стол под названием «Портрет общества через мобильный словарь». Посетители сайта участвовали в голосовании за лучшие «мобильные» слова и выражения, а также в анкетировании. В рамках анкетирования задавались следующие вопросы:

Выберите слово, которым вы чаще всего называете свой мобильный телефон.

Какое выражение вы используете чаще всего в значении «разговаривать по мобильному телефону»?

Какое выражение вы используете чаще всего в значении «кончился заряд в мобильном телефоне»?

Какое выражение вы используете чаще всего в ситуации оплаты за мобильный телефон?

Как вы называете стационарный телефон?

Из вопросов, предлагаемых в рамках исследования «Мобильное слово», и из материалов В.И. Беликова видно, что лингвистов интересует в основном появление новых слов и выражений. В первую очередь, этот интерес направлен на наименования мобильного телефона, а также на лексическое наполнение новых ситуаций, с ним связанных. Так, один из вопросов, заданных в рамках исследования «Мобильное слово», касается оплаты мобильного телефона, которая принципиально отличается от «домобильной эпохи», а другой – разрядки аппарата, что также было невозможно в ситуации со стационарным телефоном.

---

¹ Информация о сайтах, упомянутых в тексте статьи, дана на сентябрь 2010 года.

Изменение лексики (а под изменением, как правило, понимается появление новых слов) – наиболее заметная и очевидная реакция языка на внешние изменения в определенной сфере. Более того, положение о том, что лексика меняется под влиянием внешних обстоятельств, уже давно стало общим местом. В частности, язык должен реагировать на появление новых артефактов или значительное изменение старых. И русский язык реагирует вслед за английским, как правило, заимствуя из него названия технических новинок. В последнее десятилетие появилось огромное количество новых *гаджетов* и *девайсов* (вот еще два недавно заимствованных слова, семантика которых в русском языке окончательно не устоялась, в частности, не вполне понятно, чем *девайс* отличается от просто *устройства*). Бесспорно, что одним из самых важных изобретений конца двадцатого века стал мобильный телефон², что привело к возникновению определенного количества новых слов, в том числе в сленге и в региональных вариантах языка (среди наименований мобильного телефона – *мобильник*, *мобила*, *сотик*, *сотка*, *труба* и др.).

Телефон как культурный феномен

Отражение телефона как культурного феномена в языке не ограничивается появлением новых слов для новых разновидностей аппарата. С использованием телефона в различных ситуациях связано некоторое количество устойчивых выражений, за которыми в свою очередь стоят (возможно, слегка стертые) образы и интерпретации телефона в различных пространствах: физическом, культурном, социальном. Собственно это и можно назвать «телефонным» фрагментом языковой картины мира. Иными словами, важно не только появление новых предметов и новых ситуаций, с ними связанных, но и переосмысление явления в целом и, тем самым, привычных ситуаций использования телефона.

Именно поэтому не меньший (а в действительности, намного больший) интерес представляют исследования того, что происходит со «старым» словом *телефон*, как меняется его сочетаемость в новых условиях. Безусловно, также важно отметить появление новых «телефонных» выражений и постепенный уход старых в более или менее стандартных ситуациях. Телефон был изобретен, как известно, в 1876 году (в этом году патент на изобретение был вручен А. Беллу), но телефонные аппараты вошли в обиход значительно позднее. Уже примерно век с небольшим русская «телефонная» лексика менялась, и этот процесс продолжается и поныне.

---

² Первый мобильный телефон в современном понимании слова был выпущен компанией «Моторола» в 1983 году, а в России первые компании, предоставляющие услуги сотовой связи, появились в 1992 («Билайн») и 1993 (МТС) годах (по данным Википедии).

Исследование этого более глубокого процесса позволяет представить отношение человека к телефону (а, возможно, их «взаимоотношения») в динамическом развитии, или, иными словами, описать соответствующий фрагмент языковой картины мира. Все это помогает понять образ телефона и его роль в человеческом общении и, даже более широко, в жизни общества и индивидуума.

Здесь, поскольку мы отчасти выходим за пределы лингвистики, уместно вспомнить, что интерес к мобильному телефону проявляют не только лингвисты, но и представители других гуманитарных наук. Естественно, что представители гуманитарных наук (включая лингвистов) обратились к этому механизму, рассматривая его не как техническое устройство, а как феномен культуры, имеющий определенные гуманитарные последствия; см. например [Феррарис 2010³; Höfflich, Hartmann 2006; Nyíri 2003a; 2003b; 2003c; 2005].

Изменение «телефонной» идиоматики

Однако вернемся к языку. Оценить скорость изменений соответствующей лексики помогают письменные тексты (не только художественная, но и, например, мемуарная литература). Иногда, основываясь на собственном языковом опыте, мы вообще не замечаем изменений. Здесь можно вспомнить знаменитое детское стихотворение Корнея Чуковского «Телефон», в котором, частности, используются такие выражения: «У меня зазвонил телефон», «А потом позвонил крокодил», «Повесьте, пожалуйста, трубку», «Позвоните по номеру сто двадцать пять» и другие. Очевидно, что все эти выражения актуальны и сейчас. Кроме того, кажется, что так говорили всегда. Однако это не совсем так. И на это нам указывает сам К. Чуковский, правда, уже не в рамках литературы для детей.

Связь К. Чуковского с телефонной темой не ограничивается детским стихотворением. В своей книге «Живой как жизнь», написанной в 1962 году, он делает важное наблюдение:

И еще пример. Молодое поколение (да и то, что постарше) давно освоилось с такими формами, как «Звонила Вера, что завтра уезжает», или: «Позвони Еремееву, чтобы прислал чемодан», но еще Чехов не знал этих форм. Не знал он и формы: «говорить по телефону». Он писал: «Сейчас в телефон говорила со мной Татаринова» (XIX, 231); «Альтшуллер говорил в телефон» (XIX, 231); «Сейчас говорил в телефон грузинский учитель» (XIX, 280); «Сейчас говорил в телефон с Л. Толстым» (XIX, 186) и тд.

³ Перевод книги [Ferraris 2005].

Та же форма в его «Рассказе неизвестного человека»:

«Я заказывал в ресторане кусок ростбифа и говорил в телефон Елисееву, чтобы прислали нам икры, сыру, устриц и проч.» (VIII, 180).

«Изменение микроскопическое, почти неприметное: замена одного крохотного словечка другим, но именно путем безостановочного изменения микрочастиц языка меняется его словесная ткань» [Чуковский 2009: 45–46].

Итак, мы видим, что вначале (то есть, когда телефон только вошел в быт) можно говорить о самой простой «изобразительной» сочетаемости данного слова. Именно телефон, а не человек, издает звон, то есть звонит. Человек же направляет звуки внутрь аппарата, то есть говорит в телефон. Потребовалось время, чтобы изменить эту ситуацию. Замена предлога означает, по-видимому, что на смену наиболее конкретному пространственному изображению (направлению речи в аппарат) приходит более абстрактная интерпретация. Наиболее близкой является аналогия с идеей общения или даже связи и средства (или канала) такой связи: ср. *общаться по переписке* и *связаться по почте* и более современные – *разговаривать по скайпу* или *общаться по интернету* (*связаться по электронной почте*). А у *звонить* путем метонимического переноса появляется новое значение: *звонит телефон* и *звонит человек (кому-то по телефону)*. Сходный метонимический перенос мы видим и у других значений этого глагола: *звонит колокол* – *звонарь звонит в колокол*; *звонит звонок* – *посетитель звонит в звонок*.

В Толковом словаре русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова отмечается и дальнейшее развитие глагольного значения: *Я звонил ему об этом происшествии еще вчера* («беседовать, рассказывать о чем-н. по телефону (разг.)»). Но в более современном Словаре русского языка под ред. А.П. Евгеньевой это значение не отмечено, хотя подобное употребление (с предлогами *о* или *про*) в разговорной речи, по-видимому, встречается. Во всяком случае, в Национальном корпусе русского языка (<http://ruscorpora.ru>) такие примеры зафиксированы:

Лишь только публика усаживалась в зале-дворе, как сразу по телефону, стоящему тут же за сценой, звонили марсельским диспетчерам о начале концерта... [И.А. Архипова. Музыка жизни (1996)].

Кроме того, я был обязан принимать в расчет, что у Тани Бедовой (Девушка) женится двоюродный или даже родной брат, Алина Немченко (Алиса) должна выкупать и оформлять на себя доставшуюся по вэтэвской очереди автомашину «Лада», о чем мне звонил ее муж, драматург Алеша Яковлев, а Юра Стоянов (Менестрель) должен быть отпущен на домашнее мероприятие, где приехавший из Одессы отец, между прочим генерал от гинекологии, торжественно передаст его молодой семье мебельный гарнитур. [Владимир Рецеттер, «Эта жизнь неисправима...» (Записки театрального отщепенца) (2001)]

Непосредственно на наших глазах в телефонной лексике произошел новый метонимический перенос. Все чаще вместо фразы *Позвони мне!* Мы слышим *Набери меня!* А ведь раньше можно было набрать только номер,

но не его счастливого обладателя. Так, в Национальном корпусе русского языка словосочетание *набрать меня* зафиксировано один единственный раз в тексте 2003 года (для сравнения: словосочетание *позвонить мне* встречается в корпусе 662 раза), а два самых ранних примера *набрать* в этом значении датируются 90-ми и 2000-м годами:

В Рим, – неуверенно согласился я. – Значит, ты должен заехать в Париж. Подожди, я сейчас наберу Гулю. – У меня нет визы, – сказал я, оглушенный. Кстати, я прилетел в Бельгию, потому что именно с бельгийской визой было меньше всего хлопот. – Ты проснулась, подруга? [Николай Климонтович, Дорога в Рим (1991–1994)]

Не, мужики, теперь меня мочить никак нельзя, – возразил Сергей. – Моргун приказал доставить меня, куда хочу! – По-моему, он фуфло гонит, – засомневался один из парней. – Набери «папу», – предложил другой. – Да, чтоб он меня послал? Нет уж! – покачал головой бык. [Андрей Житков, Супермаркет (2000)]

Похоже, что *набрать* используется практически как синоним *позвонить*, однако утверждать точно это нельзя, так как новое употребление глагола еще не вполне устоялось. Возможно, это действие рассматривается как менее важное, менее фундаментальное, связанное с коротким разговором и ассоциируемое в основном с мобильным телефоном (хотя сам набор номера возможен на любом телефоне). Так, естественнее выглядит фраза *Когда подъедешь, прямо перед вахтой набери меня*, чем *В мамин день рождения обязательно набери ее*.

Отдельной проблемой оказывается судьба идиом, изначально связанных именно со стационарным телефоном: *повесить трубку*, *бросить трубку*, *висеть на телефоне*, *сидеть на телефоне*, *снять трубку* и некоторыми другими. За каждой из этих идиом изначально стоял более или менее очевидный зрительный образ, и хотя они по-прежнему употребляются, прямое их значение, очевидным образом, утрачено. Действительно, *повесить трубку* и *бросить трубку* означает «прервать („резко“ – во втором случае) телефонный разговор», но в основе этих выражений лежит идея помещения трубки стационарного телефона на рычаг, разъединяющий связь (обратное движение зафиксировано в выражении *снять трубку*). Прямое прочтение выражения *бросить трубку* для мобильного телефона скорее означало бы швыряние мобильного телефона на землю (*трубка* или *труба* – одно из его возможных названий). В выражении *висеть на телефоне* («очень долго разговаривать по телефону») также изначально содержится метафорический перенос, основанный на зрительном образе. Разговаривая по стационарному телефону, по-видимому, прикрепленному высоко на стене (а не по более позднему аппарату, стоящему на столе), человек как бы висит на нем⁴. И хотя

⁴ Вот как М. Феррарис описывает первый этап телефонной истории: «Все начинается с черных стационарных телефонов, стационарнее некуда, прикрепленных к стене огромных помещений телефонных станций. Разговаривают стоя и по возможности кратко» [Феррарис 2010: 38].

этот образ совершенно не подходит к мобильному телефону, эта идиома, как показало упомянутое выше исследование ИРЯ им. В.В. Виноградова, была названа в качестве ответа на вопрос «Какое выражение вы используете чаще всего в значении „разговаривать по мобильному телефону“»? (такой ответ дали 20,9% респондентов). Выражение *сидеть на телефоне* по смыслу очень близко к предыдущему, но вызывает совсем другие ассоциации и другой зрительный образ. Он не вполне очевиден, поскольку непосредственно никто на телефоне не сидит, но все же он уместен для другого типа аппарата (аппарат стоит на поверхности, а говорящий сидит рядом с ним).

Сейчас трудно прогнозировать устойчивость подобных выражений в будущем при вытеснении стационарных телефонов мобильными. С одной стороны, очевидно, что зрительный образ, закрепленный в этих выражениях, совершенно неуместен для мобильного телефона и его использования. С другой стороны, уже в сегодняшнем языке зрительный образ в значительной мере стерт, и мы рассматриваем эти выражения как идиомы. Но если уход или скорость ухода телефонных клише из языка едва ли предсказуемы, появление новых выражений является очевидным фактом. Достаточно упомянуть хотя бы словосочетание *скинуть (сбросить) звонок* («не принять входящий звонок, нажав на соответствующую кнопку телефонного аппарата»), появившееся в «мобильную» эпоху и невозможное в «стационарную».

Новые формулы в речевом этикете

Еще одна, может быть, самая интересная новация касается связи телефонных выражений и речевого этикета. В разговорной русской речи появились новые формулы прощания. Об одной из них – *Услышимся!* – я уже писал в [Кронгауз 2007]⁵. Она возникла по аналогии с более привычной формой *Увидимся!* И отмечена только в разговорной речи, то есть вне пределов литературной нормы. Следует отметить также, что эта формула не просто относится к разговорной речи, но даже более конкретно – к телефонной речи⁶. Иначе говоря, она существует в рамках разговорного телефонного этикета,

---

⁵ «А совсем недавно по аналогии с „увидимся!“ начало использоваться и шутовское телефонное „услышимся!“. Впрочем, пока оно звучит несколько экзотично. В связи с этим меня беспокоит, не появится ли в эпистолярном жанре прощание „упишемся!“. Кто знает!» [Кронгауз 2007: 115].

⁶ Телефонный этикет – это совершенно особая тема, которая в настоящей статье практически не затрагивается. О фундаментальных изменениях в телефонном этикете при переходе от эпохи стационарного телефона к эпохе мобильного пишет М. Феррарис, отмечая исчезновение и неактуальность в разговоре по мобильному телефону таких фраз, как «сейчас передам ему трубку», «тебя к телефону», «алло, это квартира Хайдеггеров?», «будьте добры Мартина» и подобных [Феррарис 2010: 47].

и при этом ее «сконструированность» еще ощутима, она не нейтральна, а скорее иронична, или можно сказать, что в ней пока еще не стерлась игровая словообразовательная модель. В Национальном корпусе русского языка в собственно функции прощания глагол *услышаться* вообще не встречается, но в сходной функции завершения беседы засвидетельствован один раз:

Окей, еще услышимся. Продолжение следует! [Убить Михаила, Пранк по телефону доверия (2004)]

Интересно, что и сам «прототип» словообразовательной модели появился в русском языке сравнительно недавно под влиянием английского *see you*, калькой которого он является.

Две других новых формулы прощания не могут считаться в полной мере телефонными, но широко распространились они в самое последнее время, то есть в эпоху мобильного телефона и Интернета. Ключевым для них следует признать слово *связь* (любую, а не только телефонно-интернетную), и, по видимому, первоначально они использовались при общении с помощью какого-либо средства связи, но сейчас вышли за эти рамки, и я постоянно слышу их при прощании в обычном разговоре (сам, однако, пока от их активного использования воздерживаюсь).

Первая из них также построена по аналогии со стандартными формулами прощания с предлогом *до*: *До свидания!*, *До встречи!*, *До завтра!* и тд.

Формула прощания *До связи!* Встречается в Национальном корпусе русского языка, причем некоторые употребления, как мы видим, связаны с письменным общением:

Там всем, конечно, на хуторе привет и спасибо и до связи! [Письмо девушки маме (1996)]

– Хорошо, – сказал Тема, – я попробую. – Отлично, – сказал Никомойский, – тогда до связи. Вы нам позвоните или лучше мы вам позвоним? [Сергей Болмат, Сами по себе (1999)]

В понедельник отправлю. Пусть проверяют! До Связи! [Письмо другу (2003)]

Возможно, формула *До связи!* И раньше существовала в этикетке связистов, но как общепринятая она используется только в последнее время.

Вторая формула *На связи!* Еще интереснее, поскольку, хотя ранее такое сочетание слов, конечно же, встречалось, но только не как общезначимая этикетная форма.

Вот пример из Национального корпуса русского языка:

Запомни дорогу: будешь на связи с правой колонной. [Борис Васильев, Были и небыли. Книга 2 (1988)]

Это словосочетание могло встречаться, например, в начале профессиональной (например, военной и под.) беседы с вариантами на проводе и на телефоне:

Как слышите, приём! Радистка Кэт на проводе. – Вас слышу, – отозвалась Маша. [Людмила Петрушевская, Маленькая волшебница, 1996]

Кроме того, оно также могло употребляться в сочетании с глаголами *быть* или *оставаться*:

И, пожалуйста, Сереженька, будь на связи. Все время на связи! [Семен Данилюк, Бизнес-класс (2003)]

Можно предположить, что подобные сочетания превратились в этикетную формулу путем опущения глагола: (*буду*) на связи или (*остаюсь*) на связи, или просто (*есть*) на связи. Для русских формул прощания опущение глагола можно считать стандартной процедурой. Так, опущением глагола желать образованы многие формулы прощания в виде родительного падежа *Удачи!*, *Доброго пути!*, *Спокойной ночи!* И прочие.

Распространение этих формул как общезначимых стало возможно именно в нашу эпоху, когда коммуникация с помощью определенных средств связи (мобильный телефон, Интернет, включающий электронную почту, скайп и тд.) стала не просто необычайно частотной и важной, но и постоянной. В этом смысле формула *На связи!* (возможный вариант *На телефоне!*) даже более радикальна, чем *До связи!* Если вторая формально указывает на возможность и ожидание нового контакта, то первая подчеркивает, что контакт теперь вообще не прерывается. Мобильный телефон и Интернет обеспечивают постоянную связь, а устная коммуникация воспринимается лишь как одна из возможных реализаций этой связи, и, похоже, не самая первичная и главная. Это и дает возможность подобным этикетным формулам стать общезначимыми и нейтральными. Следует оговориться, что отличить теперь телефонную связь от прочих видов связи становится все труднее, потому что устройства, ассоциируемые с тем или иным видом связи, становятся полифункциональными: компьютер можно использовать для телефонной коммуникации, а мобильный телефон обеспечивает выход в Интернет и реализацию «компьютерных» функций.

Заключение

Изменение «телефонной» лексики, как видно из всего написанного выше, продолжается уже около века. Ее роль сегодня только повышается, что подтверждается проникновением этой лексики в русский речевой этикет. Динамичность развития и распространения «телефонной» лексики обусловлена сегодня не изобретением какого-то одного нового, пусть даже революционного, устройства, а фундаментальными изменениями нашей коммуникации. Наиболее нейтральным и универсальным способом общения все больше становится общение с помощью новых технологий, а не непосредственный контакт. Еще одним важнейшим фундаментальным фактором является «срастание» человека и его коммуникационного устройства, их постоянная смежность в пространстве, что обеспечивает возможность регулярных метонимических переносов.

Литература

- Ferraris M., 2005, *Dove sei? Ontologia del telefonino*, Milano: Bompiani.
- Höfflich J., Hartmann M. (ред.), 2006, *Mobile Communication in Everyday Life: Ethnographic Views, Observations and Reflections*, Berlin: Frank and Timm.
- Нуйри К. (ред.), 2003а, *Mobile Learning. Essays on Philosophy, Psychology and Education*, Wien: Passagen.
- Нуйри К. (ред.), 2003б, *Mobile Communication. Essays on Cognition and Community*, Wien: Passagen.
- Нуйри К. (ред.), 2003с, *Mobile Democracy. Essays on Society, Self and Politics*, Wien: Passagen.
- Нуйри К. (ред.), 2005, *A Sense of Place. The Global and the Local in Mobile Communication*, Wien: Passagen.
- Беликов В.И., *Телефон и Интернет: рабочие материалы*, www.lingvo.ru/goroda/articles.asp; 09.2010.
- Евгеньева А.П. (ред.), 1981/1984, *Словарь русского языка*, 4 т., изд. 2-е, Москва: Русский язык.
- Кронгауз М., 2007, *Русский язык на грани нервного срыва*, Москва: Знак.
- Национальный корпус русского языка*, <http://ruscorpora.ru>; 09.2010.
- Ушаков Д.Н. (ред.), 1935/1940, *Толковый словарь русского языка*, 4 т., Москва: Советская энциклопедия.
- Феррарис М., 2010, *Ты где? Онтология мобильного телефона*, Москва: Новое литературное обозрение.
- Чуковский К.И., 2009, *Живой как жизнь: о русском языке*, Москва: АСТ: Зебра Е.